

М.И. Турецкий

СТРОИТЕЛЬ БОЛЛИНГЕНСКОЙ БАШНИ

Доктор медицины, психиатр, профессор, создатель аналитической психологии, основатель психотерапевтической школы, гуру, ересиарх, новое воплощение Юлиана Отступника, арийский Христос – все это о Карле Густаве Юнге. Похоже, своими идеями, книгами, жизнью он олицетворял поразительный феномен современного познания – размывание границ между рациональным знанием и мистическими спекуляциями. В предлагаемом очерке сделана попытка обоснования правомочности такого взгляда на жизнь и творчество К.Г. Юнга.

Ключевые слова: К.Г. Юнг, З. Фрейд, Н. Бор, А. Эйнштейн, К. Гедель, В. Гейзенберг, квантовая механика, мистика, язычество, трансцендентность, монотеизм.

1. Пролог

«Мне интересно было знать мнение Фрейда о ясновидении... Посетив его в 1909 году в Вене, я спросил, что он обо всем этом думает. В силу своих материалистических предрассудков он безоговорочно отверг этот комплекс вопросов как бессмысленный и сделал это в настолько плоских позитивистских терминах, что я едва удержался от язвительного возражения... Пока Фрейд разворачивал свою позитивистскую аргументацию, я испытывал странное ощущение. Мне казалось, что моя диафрагма сделана из железа и раскаляется докрасна, как бы превращаясь в пылающий свод. И в этот самый момент из книжного шкафа, стоящего справа от нас, прозвучал громкий треск, похожий на пистолетный выстрел. Мы оба вскочили, опасаясь, как бы шкаф не рухнул нам на головы, и я сказал Фрейду: “Вот, пожалуйста, полюбуйте на образец так называемой каталитической экстериоризации”¹.

– Да бросьте вы, – воскликнул он в сердцах, – какая чушь!

– Вы ошибаетесь, господин профессор, это вовсе не чушь. И в доказательство

я предсказываю, что через мгновение мы услышим еще один такой же звук. – Не успел я произнести эти слова, как из книжного шкафа донесся тот же взрыв... Фрейд лишь ошеломленно посмотрел на меня»² [12, с. 161–162].

«Дорогой друг! ...ваше сообщение и ваш эксперимент произвели на меня сильное впечатление. После вашего ухода я решил провести наблюдения и теперь сообщаю результаты. В первой комнате треск раздается непрерывно... Во второй, где мы с вами все это слышали, потрескивания очень редки. Сперва я хотел увидеть в этом доказательство, что частые шумы слышатся только в вашем присутствии и после вашего ухода исчезают, но с тех пор скрип появляется снова, хотя и безо всякой связи с моими мыслями и никогда в моменты, когда я думаю о вас и ваших специфических проблемах... Моя доверчивость или, по крайней мере, готовность доверять исчезли вместе с волшебством вашего присутствия... я снова отказываюсь верить в нечто подобное; лишенная нечистой силы мебель предстает перед моими глазами, как когда-то, после ухода богов Греции, поэту предста-

¹ В наши дни вместо «каталитическая экстериоризация» обычно говорят «психокинез».

² Это было опубликовано в 1961 году, через пятьдесят два года после самого события.

ла обезбоженная природа. ...ваш Фрейд»³ [7, с. 401].

II. Истоки

Дед создателя аналитической психологии по отцовской линии Карл Густав Юнг-старший родился в 1795 году в Мангейме — ныне втором по величине городе Баден-Вюртемберга. Юнги — католики из Майнца. И, похоже, не отличались особым религиозным рвением. Мужчины этой семьи в нескольких поколениях становились врачами и юристами. Карл Юнг-старший получил медицинскую степень в Гейдельберге в 1816 году. Карьеру начал в Берлине хирургом, ассистентом офтальмолога. Медицину совмещал с политикой, поэзией и драматургией. Был трижды женат и имел тринадцать детей. Две первые жены и большинство детей умерли рано, а самый младший, тринадцатый сын Иоганн Пауль Ахиллес стал в 1875 году отцом знаменитого Карла Густава Юнга.

В 1799 году генерал Наполеон Бонапарт, разогнав французский парламент, назначил себя первым консулом. Это заметно повысило боеспособность французских войск, отступавших тогда под натиском русских и австрийцев. В 1806 году, через несколько месяцев после победы при Аустерлице, Наполеон вместо Священной Римской империи германской нации, объединявшей немецкие земли почти тысячелетие, создал Рейнский союз пятнадцати немецких государств. Себя первый консул, ставший к тому времени императором, объявил его протектором. Союз, впрочем, просуществовал, недолго. 15 июля 1815 года Наполеона Бонапарта препроводили на борт британского флагмана «Беллерофон», взявшего курс к острову Святой Елены. А Рейнский союз,

перекроенный державами-победительницами на Венском конгрессе, стал называться союзом Германским.

Священная Римская империя германской нации, Рейнский и Германский союзы были рыхлыми конфедерациями, без общей валюты, единого закона, запутанными налогами и таможенными правилами, ограничивавшими торговлю, развитие промышленности и личные свободы. Немцев того времени объединяли язык, культура и унижение недавнего наполеоновского нашествия, но не национальное чувство. «Германия» была скорее идеей, чем реальностью. Но у этой идеи были весьма горячие и энергичные поклонники. Фридрих Людвиг Ян (Friedrich Ludwig Jahn (1778–1852)) — отец спортивной гимнастики, изобретатель гимнастических колец, брусьев, бревна и коня, полагал физическое воспитание краеугольным камнем национального самосознания. В 1810 году он издал книгу «О немецком гимнастическом искусстве», а в 1811 году открыл первый гимнастический клуб. В 1813 участвовал в создании добровольческого корпуса, воевавшего в составе прусской армии против Наполеона. До разгрома императорской армии командовал в этом корпусе батальоном. После войны преподавал гимнастику и создавал студенческие патриотические братства (Burschenschaften).

Идеализм, энергия и эксцентричность Яна, готовность врачевать ущемленное национальное самолюбие немцев сделали его кумиром патриотической молодежи. Властям же бурная эта деятельность казалась чрезмерной. В 1819–1920 годах Ян двенадцать месяцев провел в тюрьме. После освобождения ему запретили жить в Берлине и преподавать гимнастику. Лишь к 1840 году заслуги Фридриха Людвиг Яна были оценены. Его наградили Железным Крестом за военные заслуги и сняли запрет на преподавание гимнастики. К тому времени Германия уже пе-

³ Из письма Зигмунда Фрейда Карлу Юнгу от 16 апреля 1909 года (на семнадцатый день после события).

рестала быть только идей. В 1834 году возник Германский таможенный союз 18 государств во главе с Пруссией. Прусский талер стал единой валютой немцев, развивалась промышленность и федеральные механизмы управления немецкими землями. Германский патриотизм Яна пришел в соответствие с историческим моментом. (В «Третьем рейхе» имя Фридриха Людвига Яна носила пехотная дивизия, входившая в 1945 году в состав 12-й армии генерал-полковника Вальтера Венка, той самой, которая по приказу Гитлера пыталась деблокировать окруженный Берлин. Последний командир этой дивизии полковник Клейн сдался в плен.)

В октябре 1817 года Ян был среди организаторов Thing в Вартбургской крепости возле Эйзенаха в Тюрингии. Словом этим древние германцы называли ежегодные племенные сходки. Главное действо Thing тысяча восемьсот семнадцатого года – факельное шествие к Вартбургской крепости молодых патриотов, одетых в древнегерманские одежды или традиционные наряды своих земель. На многих были черно-красно-золотые накидки и ленты – цвета нынешнего флага Германии. Время и место патриотического действия выбрали не случайно. Октябрь – годовщина победы над Наполеоном под Лейпцигом в 1813 году. Вартбург же почитался патриотами в память о Мартине Лютере – «самом немецком человеке в истории Германии» (Г. Гейне). Там в 1521 году Фридрих III, курфюрст Саксонии, укрыл от инквизиции великого реформатора. Лютеровские девяносто пять тезисов не только создали другое христианство, но и подорвали власть католического Рима в немецких землях. Новый Завет на немецком, перевод которого Лютер начал тогда в Вартбурге, придал жизни и деяниям Иисуса Христа вполне германский колорит, сблизив его с Вотаном древних тевтонов. А немецкий язык лютеровского перевода Библии

«в течение немногих лет распространился по всей Германии и возвысился до всеобщего литературного языка. Этот литературный язык и теперь господствует в Германии, придавая литературное единство политически и религиозно раздробленной стране» [5]. Возле громадного костра молодые люди пели гимн «Eine Feste Burg» («Наш Бог – могучая крепость»), клялись хранить чистоту народа, верность друг другу, своему союзу и впервые в писанной немецкой истории сожгли «негерманские» книги.

Карлу Густаву Юнгу-старшему тогда было двадцать три года. В память об участии в Вартбургском празднестве он всю жизнь хранил черно-красно-золотую накидку, доставшуюся по наследству его знаменитому внуку. В Берлине Карл Густав Юнг-старший познакомился с издателем и книготорговцем Георгом Андреасом Реймаром (Georg Andreas Reimer, 1776–1842), открывшем в своем доме клуб патриотических читателей. Похоже, клубные знакомые, их мысли, идеи повлияли на мироощущение Юнга-старшего не меньше риторики, гимнастики и шествий Яна. Несколько слов о самых заметных членах того читательского клуба. Эрнст Мориц Арндт (Ernst Moritz Arndt (1769–1860) один из основателей народнического движения (Volkstumbewegung), писатель, профессор истории, идеолог борьбы против Наполеона. Его антифранцузские выступления и антиеврейские заявления сохранили свою злободневность для нескольких поколений немецких националистов. Братья Шлегели – Карл Вильгельм Фридрих и Август Вильгельм (Schlegel Karl Wilhelm Friedrich von (1772–1829), Schlegel August Wilhelm von (1767–1845)) – идеологи немецкого романтизма. «Лекции об изящной словесности и искусстве», прочитанные Августом Вильгельмом Шлегелем в Берлине в 1801–1804 годах, «Характеристики и критические очерки» его брата, статьи в «Ате-

неуме» («Athenaeum») — главном журнале романтиков, издававшемся Шлегелями в 1798-1800 годах, сыграли заметную роль в возникновении почвеннических, мистических и антипросветительских настроений, вдохновлявших германских патриотов всех оттенков: от либералов до нацистов в течение полутора столетий. «Патриотизм француза заключается в том, что его сердце согревается, от этого нагревания расширяется, раскрывается, так что своей любовью оно охватывает не только ближайших родичей, но всю Францию, всю цивилизованную страну; патриотизм немца заключается, наоборот, в том, что сердце его сужается, что оно стягивается, как кожа на морозе, что он начинает ненавидеть все чужеземное и уже не хочет быть ни гражданином мира, ни европейцем, а только ограниченным немцем» [5].

Более всего, пожалуй, изменило Юнга-старшего общение с Фридрихом Даниелем Эрнстом Шлейермахером (Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher (1768—1834)), философом, теологом и последователем Якова Филиппа Шпенера (Philipp Jakob Spener (1635—1705)), растворившего сухую протестантскую ортодоксию в пиетизме — «религии сердца». В «Речах о религии к образованным ее презирующим» (1799) Фридрих Шлейермахер писал, что научить религии невозможно, она рождается внутри, а не сообщается извне. Религиозное же наставничество — это помощь в анализе чувств и настроений, в раскрытии души и выявлении ее связей с вселенной. Шлейермахер, конечно же, не первым указал на глубины души как источник Высшего знания. В том или ином виде — это суть переосмысления любого мистического опыта от веданты, даосизма и гностиков до Иоахима Флорского (Joachimus Florensis (ок. 1132—1202)), каббалы, суфизма, теософии и нынешних эзотерических спекуляций. Сюда же можно отнести и мистические построения Юнга-внука. Хотя, в отличие от наставника своего деда,

он описывал и толковал свои переживания вне христианского контекста. «Беспомощный, я стоял на пороге чуждого мира; все в нем казалось непостижимым. Я жил в постоянном напряжении; часто у меня возникало ощущение, что на меня падают гигантские глыбы... Выдержать этот натиск мне могла помочь только грубая сила. Многих — в том числе Ницше и Гиндерлина — он смял и уничтожил. Но во мне была какая-то демоническая сила, и с самого начала я не сомневался, что найду смысл того, что переживаю в этих фантазиях. Подвергаясь атакам со стороны бессознательного, я ни на мгновение не терял уверенности, что подчиняюсь высшей воле; и это чувство продолжало поддерживать меня, пока я наконец не осознал задачу и не подчинил ее себе полностью... Благодаря Филемону и другим фигурам моих фантазий, мне удалось уяснить важнейшую истину: в психической субстанции есть вещи, не порождаемые мной, но порождающие себя сами и живущие собственной жизнью... В моих фантазиях я беседовал с ним, и то, что он говорил, не принадлежало к числу моих осознанных фантазий. Мне было совершенно ясно, что говорящий — он, а не я... Временами он казался мне совершенно реальным, настоящим живым существом. Я прогуливался вместе с ним по саду, и для меня он был тем, что индусы называют “гуру”» [12].

Фридрих Ян и клуб читателей-патриотов изменили не только политические взгляды Карла Юнга-старшего, но и его религиозность. Принадлежность к римско-католической церкви досталась ему в наследство, протестантом же он стал по собственному выбору. Измену религии предков удостоверил своей подписью Фридрих Шлейермахер. Документ этот, как и накидка времен Вартбургского шествия, достался в наследство Карлу Юнгу-младшему.

Современный исследователь жизни и творчества основателя аналитичес-

кой психологии профессор Чикагского университета Ричард Нолл (Richard Noll) пишет: «Внезапное обращение деда, его акт измены, его гневное отрицание Рима могут не без основания считаться одной из главных детерминант судьбы К.Г. Юнга (младшего)» [9]. «Одна из главных детерминант» — пожалуй, неоправданно сильно о влиянии на Юнга отступничества деда, умершего еще до его рождения. Но иррациональная двойственность и настроенность по отношению к католической версии христианства Юнг, похоже, ощущал с самого детства: «...я случайно подслушал беседу отца с пришедшим к нему в гости коллегой; они говорили о нечестивой деятельности иезуитов. В тоне моего отца звучали возмущение и страх, и я понял, что “иезуиты” — это нечто, представляющее особую опасность даже для него» [12, с. 19]. В шесть лет, во время экскурсии, желая заглянуть в католическую церковь, Юнг споткнулся при входе и упал, ударившись подбородком. Потекла кровь, и было очень больно. «В течение долгих лет после этого случая я не мог войти в католическую церковь, не испытывая при этом тайного страха перед кровью, падением и иезуитами. Такова была исходящая от нее аура. И все же католическая церковь сохраняла для меня какую-то волшебную притягательность. Вблизи католического священника я чувствовал себя в высшей степени неуютно. Лишь на четвертом десятке, переступив порог собора святого Стефана в Вене, я впервые осознал, что встреча с Mater Ecclesia⁴ не внушает мне больше чувства подавленности» [12, с. 24].

Впрочем, протестантское христианство, как и любое другое, не пробуждали в Юнге-младшем возвышенных чувств. «Господь Иисус так никогда и не стал для меня по-настоящему реальным, по-настоящему приемлемым, по-настоящему

привлекательным существом... Я втайне сомневался в его хваленой любви и доброте...» [12, с. 21]. А вот изображения Брахмы, Вишну и Шивы из детской книжки об экзотических религиях вызывали у Юнга ненасытное любопытство, вопреки презрению к язычникам, услышанному им в интонациях матери. Рассматривая изображения чужеземных богов, Юнг смутно ощущал их родство с собственным «исходным откровением». Так он назвал два своих детских сна. Первое — о пятиметровом ритуальном фаллосе, возвышавшемся на «...настоящем королевском троне из волшебной сказки», и голосе матери, комментировавшем это видение: «Да, ты только посмотри на него! Это пожиратель людей!» Во втором сне на золотом троне восседало «...нечто абсолютно чуждое, нечеловеческое, принадлежащее подземному миру, неподвижно глядящее вверх и питающееся человеческой плотью. ...спустя пятьдесят лет мне довелось ознакомиться с одной научной работой, где речь шла о мотиве каннибализма, лежащего в основе символики Тайной Вечери. Только тогда мне стало ясно, до какой степени недетской утонченной, даже сверхтонченной была мысль, прорвавшаяся в мое сознание, благодаря этим двум переживаниям. Кто говорил во мне? Чей дух внушил мне эти переживания? Действию какого высшего разума я обязан их появлением? ...Кто, объединив Высшее и Низшее, посеял семена той бури, которая стала главным содержанием всей второй половины моей жизни?» [12, с. 19–22].

В 1819 году Карла Юнга-старшего арестовали прусские власти по обвинению в политической демагогии. Тринадцать месяцев в тюрьме закрыли ему по тогдашним законам путь к врачебным должностям в большинстве германских земель. Юнг эмигрировал в Париж, столицу недавних врагов горячо любимой им родины. Его немецкий патриотизм и взбудораженность неофита заметно по-

⁴ Матерью-церковью (лат.).

тускнели в римско-католической Франции. Больше теперь его занимали карьера и семья. Знакомство со знаменитым соотечественником, бароном А. Гумбольдтом (Humboldt Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander von (1769–1859)) – ученым и путешественником стало для Юнга-старшего тем счастливым случаем, которым он сумел воспользоваться. А. Гумбольдт рекомендовал симпатичного молодого врача на должность хирурга в Hôtel-Dieu (Пансион Бога). Так во Франции обычно называли главные городские больницы. Парижский Hôtel-Dieu к началу девятнадцатого века существовал уже более тысячелетия (основан в 660-м году), имел репутацию передового онкологического, офтальмологического, диетологического исследовательского центра и славился высокой квалификацией своих врачей.

В 1822 году, по рекомендации того же А. Гумбольдта, Карл Густав Юнг-старший получил кафедру хирургии, анатомии и акушерства в Базельском университете – старейшем университете Швейцарии (основан в 1459 году с благословения папы Пия II). За три столетия до Юнга-старшего в Базельском университете читал лекции великий врач Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм (Philippus Aureolus Theophrastus Bombast von Hohenheim (1493–1541)), называвший себя Парацельсом. Почитатели верили, что Парацельс может выращивать в ретортах драгоценные камни и жемчуг, делать золото и эликсир молодости, а недруги называли его колдуном, богохульником, гнусным обманщиком, пьяницей и монстром. Сам же себя он считал Святым Доктором. Несмотря на столетние традиции и Парацельса, медицинский факультет в Базеле к началу девятнадцатого века влачил жалкое существование. В 1806–1814 годах там был подготовлен лишь один доктор медицины. Да и преподаватель на всем факультете в течение многих лет

был один. Он читал лекции нескольким цирюльникам о технике кровопускания и удаления ногтей.

В Базеле Карл Густав Юнг-старший преуспел. Через год он стал профессором, через шесть – ректором университета. Усилия по развитию, модернизации медицинского факультета, созданию новых госпиталей, клиник, психиатрической больницы принесли свои плоды. Базель перестал быть академическим захолустьем Европы, а Юнг-старший с годами превратился в легенду университета – Старого профессора, доктора Карла Юнга. Немаловажная деталь биографии Юнга-старшего – его масонство. «Он был истовым франкмасоном, Великим Магистром Швейцарской ложи» – пишет в своих воспоминаниях его внук. Поскольку Юнг-старший присоединился к вольным каменщикам после расставания с родной, единомышленниками и учителями-наставниками, Ричард Нолл полагает его масонство компенсацией утраты чувств новообращенности и принадлежности к братству идеалистов времен Вартбурга и Берлинского клуба читателей-патриотов. Немалую роль в приобщении к тайному обществу, видимо, сыграло и разрушение национально-религиозной идентичности. С другой стороны, своими успехами в развитии медицинского факультета, появлению всех этих новых клиник и госпиталей Юнг-старший, по мнению того же Нолла, обязан своим связям с тайным масонским братством.

Дед, несомненно, повлиял на умонастроения своего знаменитого внука. Не лично – Юнг-старший умер еще до его рождения. Влиял миф, развитию которого в немалой степени способствовал и сам Карл Юнг-младший в зрелые свои годы: «...я осознал, что между мной и моими предками существует своего рода роковая связь. Я очень сильно ощущаю на себе влияние вещей или вопросов, оставленных моими родителями, дедами или

более отдаленными предками в состоянии незавершенности и без ответов. Часто кажется, что внутри семьи есть какая-то безликая карма, переходящая от родителей к детям. У меня всегда было ощущение, что мне предстоит решить вопросы, поставленные судьбой перед моими праотцами, ...что я обязан продолжить или, возможно, завершить то, что прошлое оставило на мою долю незавершенным» [12].

III. Мистика среди религий и наук

«Под мистикой я понимаю род религии, которая основывается на чувстве непосредственно воспринимаемой связи с Богом, на прямом и внутреннем сознании Божественного присутствия. Это религия в наиболее ее действенной стадии» — Руфус Мэтью Джонс (Rufus Matthew Jones (1863–1948)) — американский писатель, редактор журнала, профессор философии и один из самых влиятельных квакеров XX века [14]. Размышления о сути мистики других авторов, в общем-то, мало чем отличаются от джонсоновского.

Фома Аквинский (Thomas Aquinas (ок. 1225–1274)), канонизирован папой Иоанном XXII в 1323 году (а с 1879 года по решению папы Льва XIII учение Фомы Аквинского признано официальной доктриной католической церкви), определил мистику с латинской афористичностью, как «*cognitio dei experimentalis*» — познание Бога из опыта. В суфизме — мистическом течении ислама — описываются четыре ступени посвящения в суфии. Последняя, высшая, — хакикат — полное постижение истины, подразумевает слияние с Богом. «Первое переживание мистика — это прямое общение с невидимым, соприкосновение с невидимыми реальностями, прохождение с открытыми глазами в потусторонние миры. Авторитету мистик противопоставляет опыт, вере — знание» (Анни Безант (Anna Besant (1847–1933)), ученица Е.П. Блаватской, президент теософского общества после 1907 года). «Мистика

представляет собой опыт вечности, ощущения высшей реальности, чувство того, что есть таинственное Существо, Которое стоит над текучим потоком времени, за пределами материального мира и, в то же время, проникает в эту материальность и высветляет ее. Мистика является, переживанием таинственной встречи с Тем, Кто неуловим человеческой мыслью, недоступен для телесных чувств, невыразим словом...» (Архимандрит Рафаил (Карелин) из Тбилисской духовной академии).

Общее этих и множества других определений — указание на переживание непосредственного общения с Всевышним или Высшей реальностью — *unio mistica*. Такой опыт отличается не только от рационального знания, но и от религий в «классических» их ипостасях, где между бесконечным, трансцендентным Богом и Человеком из ощущаемого и осознаваемого мира — бездна. Исторически мистический опыт всегда связан с конкретной религией. Мистики вообще не существовало, во всяком случае во времена ее зарождения. Она могла быть лишь христианской, еврейской, греческой, мусульманской, а большинство мистиков, похоже, и не помышляли тогда о противопоставлении благообретенного *cognitio dei experimentalis* (познания Бога в опыте) основам своих вероучений, верными приверженцами которых они, как правило, оставались. Но некоторых неочевидное поначалу противоречие между непознаваемым Богом-Творцом и самой возможностью общения с ним со временем приводило к ересям. Возникал конфликт с «материнскими» вероучениями, или представление о некоей универсальной мистической религии, противостоящей застывшим догматам официоза и не отождествляемой с каким-либо определенным вероучением.

Анри Бергсон (Henri Bergson (1859–1941)) говорил о статичной, консервативной, социальной религии церковей и дина-

мичной, обновляемой и индивидуальной религии мистиков [13]. Отношения мистики и законодательствующей религии не ограничиваются противопоставлением. Существует стремление сгладить противоречие между нравственной обязанностью следовать освященным концепциям и мистическими спекуляциями. В.Н. Лосский писал: «В известном смысле всякое богословие мистично, поскольку оно являет Божественную тайну, данную Откровением. С другой стороны, часто мистику противопоставляют богословию, как область, не доступную познанию, как неизреченную тайну, сокровенную глубину, как то, что может быть скорее пережито, чем познано, то, что скорее поддается особому опыту, превосходящему наши способности суждения, чем какому-либо восприятию наших чувств или нашего разума...». И далее: «...мы часто слышим суждение, будто бы мистика является областью, предназначенной немногим, неким исключением из общего правила, привилегией, дарованной некоторым душам, опытно обладающим истиной, в то время как все прочие должны довольствоваться более или менее слепым подчинением догматическому учению, наложенному извне в виде принудительного авторитета. Подчеркивая это противопоставление, можно иной раз зайти слишком далеко...» [8]. Г. Шолем отмечает: «Иудаизму всегда было присуще глубокое почитание традиционного, и даже мистики, фактически отошедшие от традиции, сохранили благоговейное отношение к ней. Это прямо вело их к мысли о совпадении истинной интуиции с истинной традицией» [11].

В то же время стремление сгладить противоречие между догматикой и мистическим опытом иногда превращается в отрицание их существования. «Жизнь в православии связана с видением миров иных, и без него она просто не существует. Богослужение, как уже указано, содержит

не только воспоминание, но и реальность воспоминаемых событий. Молящийся, в меру своего духовного возраста, соучаствует в жизни Господа, Божией Матери и святых, и чрез это становится причастным вещей невидимого мира. Этот мистический реализм есть общая предпосылка всего православного богослужения, вне которой оно потеряло бы всю свою силу, — быть совершающейся мистерией боговоплощения. Поэтому православное богослужение обращается, прежде всего, к мистическому чувству, ему говорит и его воспитывает» — пишет С.Н. Булгаков (1871–1944), философ, богослов, православный священник [4].

Приведенные выше высказывания — иллюстрация сложных взаимоотношений «классической» религиозности и мистических прозрений. Иллюстрация, не исчерпывающая, конечно же, всех сторон их противостояния, переплетения и взаимопроникновения. Немаловажное обстоятельство объединяет всех мистиков: «увидеть, познать» Бога, иную реальность можно лишь сузив или изменив состояние сознания, размыв границу между внешним и внутренним, снизив способность к критическому суждению. Немало путей к такому состоянию души открыто за тысячелетия цивилизации. От эмоциональных потрясений, психоделиков, монотонных ритмичных движений и растворения в толпе до возвеличивания, обожествления общепринятого, аскезы, медитации и ритуалов. Иногда, впрочем, сознание сужается или изменяется спонтанно, без видимой связи с внешними обстоятельствами, желаниями или действиями, либо вследствие психического расстройства. Суженное, измененное сознание не способно противостоять наплыву образов из глубин бессознательного — коллективно-бессознательных содержаний, если придерживаться лексики К.Г. Юнга. Свобода же интерпретации этих содержаний, с одной стороны, — осуществление твор-

ческих возможностей религиозного сознания, с другой — опасность, не всегда осознаваемая, выхода мистика за рамки собственной религии и возникновения ереси. Говоря о сужении и изменении сознания, как необходимом условии «встречи с абсолютно Сущим в глубинах своей души» [11], я подразумеваю представление, принятые в психиатрии.

Современные апологеты мистики полагают такое состояние сознания расширенным, имея в виду, видимо, «выход» за пределы реальности. Сходство мистик, выросших из различных религий, состоит также в трудности, подчас даже невозможности описания опыта общения с Высшей Реальностью. Одни мистики, не переставая сетовать на убогость языка, не оставляют попыток передать словами невыразимое. В их текстах обычно возвышенность, воодушевление, стремление к самовыражению распознаются легче позитивного описания собственных переживаний. Другие, например каббалисты, демонстрируют жесткую самоцензуру, доходящую до декларированного нежелания делиться опытом общения с Божественным. А некоторые суфии вообще отвергают саму возможность передачи мистического знания словами: «То, что может быть высказано, суфизмом не является».

Мистика появилась лишь на определенном этапе развития религиозного сознания. Она не могла возникнуть во времена, когда человек встречал богов и общался с ними на каждом шагу, при самых заурядных обстоятельствах. Тогда люди и боги уживались в мире природы. Для общения им не нужна была Другая Реальность. Человек, понимая свое отличие от богов, не ощущал, видимо, в те далекие времена пропасти между ними и собой. Вселенная человека мифотворящего едина и чужда мистике. Возникшее со временем ощущение и понимание своей особенности, выделенности из окружающего мира разрушило гармонию между

человеком, вселенной и богами. Возник творческий импульс. Возможно, самый сильный за всю историю. Между Природой и Человеком появилось расстояние, а между Богом и Человеком — пропасть.

Вряд ли в представимом будущем мы узнаем, как это происходило. Все, что у нас есть, — это библейский рассказ об Авраме сыне Тераха из Ур-Касдима, переселившегося с берега Евфрата в Ханан. Он первым понял, что есть лишь один Всевышний — Творец и Царь вселенной, а многочисленные боги, которым поклонялись его предки, современники, да и он сам до прозрения — лишь бессильные идолы, созданные людским воображением и руками. За эту догадку Бог заключил с Аврамом завет: «...ты будешь отцом множества народов. И не будешь больше называться Аврамом, но будет тебе имя Авраам...»⁵ [1].

Сегодня три монотеистических вероучения претендуют на духовное родоначалие Авраама. И это, скорее, добавляет им раздоров, чем примиряет. С условного момента прозрения Авраама человечество начало овладевать идеей трансцендентности, строить непознаваемый мир. «Разница между язычеством... и иудейством: всем им свойственна мысль о бесконечном, вечном, исконном существе, но у первых оно пребывает в мире, которому оно идентично и вместе с которым развивается, согласно закону необходимости, бог же иудеев пребывает вне мира и творит его актом свободной воли» [6]. Открытие Аврамом Бога разверзло бездну между Человеком, существом конечным в пространстве-времени, и бесконечным, трансцендентным

⁵ Бытие, глава 17, стихи 4 и 5. Новое имя — знак высокой миссии. Авраам, написанное на иврите, — аббревиатура, которую можно понять, как «Отец множеств». Аврам же, скорее всего, указывает на его происхождение из Арама — места расселения арамеев в Междуречье в древнееврейской топонимике.

Творцом, преодолеть которую мог «лишь голос Бога, направляющий и законодательствующий в Своем откровении, и голос человека в молитве» [11].

Идея о существовании Единого Непознаваемого Бога и отказ от поклонения рукотворным идолам обрели власть над народами не сразу. Прошли столетия пока Голос, повелевавший Аврааму, стал исторической силой. Как полагает Гершом Шолем, в истории не было периода, столь далекого от мистики, как время зарождения монотеизма. Мистика возникла лишь после обретения религией коллективных форм жизни и веры. Ее появление Шолем называл романтическим периодом развития религии. Существование пропасти тогда уже ощущалось и в какой-то мере осознавалось. Зародилось стремление познать тайну бездны, найти заповедную тропинку через нее. Искания эти, похоже, компенсировали разрушение древней гармонии и были подспудно направлены на ее воссоздание. Миф, магия, отвергнутые и отчасти разрушенные верой в Единого Бога, с появлением мистики возвратились. Мир мифа и мир Откровения встретились в человеческой душе. Мистическая религия превратила Бога из объекта догматического знания в свободно истолковываемый и интерпретируемый опыт переживания. Откровение, как историческое событие, одни мистики противопоставили, а другие уравнили со знаниями и опытом из внутренних источников. Исторически появление мистики — не только этап развития религиозного сознания, но и отражение конфликта религиозного чувства с догматом, обострившегося до кризиса. «Всплеск мистицизма — всегда знак того, что душа человека яростно протестует против насаждения некоей организованной системы жизни, ... которая грозит оставить слишком мало места для его собственной свободной инициативы и спонтанной творческой деятельности. Это заявление о том, что душа имеет свои

неотъемлемые права и способности, свою собственную область, которая должна быть уважаема и священна. Иногда мистицизм бывал протестом человека против застывающей коры догм, иногда бунтом против церковности» [14].

Развитие религиозного сознания привело к мысли о Едином Боге — Творце и Повелителе вселенной. Возникло новое мироощущение, имевшее не так уж много общего с древними верованиями в богов, живших рядом и мало чем отличавшихся в своих страстях от людей. Те боги были сильны, но не всемогущи. Каждый повелевал лишь частью мира и не был, как правило, ее творцом. Богов боялись и почитали, им приносили жертвы, посвящали храмы, делали их из дерева, камней, металлов... Для понимания же сути, бытия и происхождения этих многочисленных совладельцев мира вполне годились те же слова, понятия, что и для описания повседневности. Отношения с ними были просты и понятны: покровительство в обмен на признание, подношения и уважение. Почести, оказываемые «чужим» богам, как правило, не вызывали протеста у «своих». Видимо, это воспринималось чем-то подобным хорошему воспитанию. Придя в чужой дом, разумный и воспитанный человек принесет подарки его хозяевам и постарается вести себя прилично. Так поступали Александр Македонский, римские императоры и все прочие завоеватели языческого мира. Они приносили в храмах покоренных стран жертвы местным богам и воздвигали святилища собственным, воевали с царями и армиями, но не с богами. Вера в существовании вне мира сего Единственного Всемогущего Творца и Царя вселенной разрушила первобытную гармонию в душе человека. Всемогущий и непознаваемый бог превратил своих предшественников в безжизненных истуканов, а поклонение им — в тягчайший грех.

Вслед за появлением нового мироощущения начал меняться мир. Стремление к власти, агрессия и экспансия получили духовное содержание. Терпимость к чужим богам сменилась абсолютной властью Всевышнего, не терпящего рядом с собой разноплеменных божков. В 167 году до новой эры вспыхнул военнополитический конфликт между греками-язычниками и евреями — единственным народом тогдашнего мира, почитавшим Единого Бога. Эту войну, пожалуй, можно считать первой в бесконечной череде кровопролитий, где религиозный мотив если и не доминировал, то был весьма заметен. Иудея в ту эпоху входила в административный округ «Келесария и Финикия» империи Селевкидов. Антиох IV, по прозвищу Эпифан, разглядев в иудаизме угрозу своей власти, попытался эллинизировать евреев, объявив веру в единственного бога преступным суевием. В ответ вспыхнуло восстание под предводительством Маккавеев. Главным его достижением стали не столько военные победы, сколько свобода вероисповедания, столь непохожего на все существовавшие тогда культы. Последователи Единого Бога добились силой оружия не только права поклоняться Единому невидимому и непознаваемому Богу, но и права считать в соответствии с собственным вероучением богов своих соседей безжизненными идолами, а их поклонников не — то грешниками, не то невеждами, невосприимчивыми к свету истинной веры [1; 10].

С наступлением христианской эпохи идея о существовании вне этого мира Бога-творца завоевала множество последователей. А учение пророка Мухаммеда окончательно оттеснило многобожие на периферию цивилизованного мира. Но человеческое воображение не могло долго мириться с существованием пропасти между собой и Творцом, сменившей почти соседское сосуществование с понятными и осязаемыми богами. Попытки

преодолеть невообразимое и завораживающее расстояние, отделившее Единственного Бога от сотворенного им мира, стали основой мистических исканий... Но бездна открылась не только религиозному сознанию.

Стремление построить непротиворечивое знание, не зависимое от познающего субъекта, привело, как и монотеистическая идея, к представлениям о бесконечном, непознаваемом мире и собственной ограниченности. Различие между воображаемым трансцендентным, непознаваемым по определению и недоступным разуму из-за особенностей самого феномена познания становилось по мере развития естественно-научных фундаментальных представлений все более призрачным. В 1927 году Вернер Карл Гейзенберг (Heisenberg Werner Karl (1901–1976)) сформулировал принцип неопределенности, установивший невозможность определения одновременно, с одинаковой точностью местоположения частицы и ее импульса. Увеличение точности измерения одного параметра приводило к соответствующему уменьшению точности другого. В описание материального объекта — элементарной частицы — вошла вероятность, связанная не с инструментальными ограничениями измерений, а с некими фундаментальными особенностями познания. Суть их, похоже — в отсутствии логически обоснованного различия между наблюдаемым и ненаблюдаемым. «Что именно мы наблюдаем, нам говорит теория» (Альберт Эйнштейн (Albert Einstein (1879–1955))).

В том же 1927 году Нильс Хенрик Давид Бор (Bohr Niels Henrik David (1885–1962)) сформулировал принцип дополненности, концептуализирующий неразрешимость противоречий в исследованиях мира элементарных частиц. Подразумевая объект частицей, исследователь видит именно частицу. Измеряя же волновые свойства объекта, наблюдатель обнаруживает волну. Согласно принципу Бора,

оба вывода, взаимоисключая, дополняют друг друга. И лишь их совокупность создает целостное представление. Попытка же интерпретировать эксперименты, приведшие к принципу дополнительности, в контексте «классического» познания, по мнению Нильса Бора, «имеет далеко идущую аналогию с общими трудностями образования человеческих понятий, возникающих из разделения субъекта и объекта» [2].

Размывание непротиворечивой картины мира в начале XX века сходно с разрушением гармонии, существовавшей между природой, богами и человеком в древности. Оба эти кризиса породили представление о бездне, отделяющей Человека от Бога в одном случае, и логически непротиворечивую разумность от абсолютного знания – в другом. В 1927 году в Брюсселе состоялся V Сольвеевский конгресс по проблеме «Электроны, фотоны и квантовая механика». Конгрессы физиков начали собираться с 1911 года. Сольвеевскими их назвали в честь инициатора – бельгийского химика и предпринимателя Эрнеста Гастона Сольве (Ernest Gaston Solvay (1838–1922)). С 1911 по 2005 г. состоялось 23 конгресса.

V конгресс знаменит дискуссией А. Эйнштейна и Н. Бора. Создатель теории относительности, отвечая на выступление Бора, назвал квантовую теорию жалкой попыткой уничтожить детерминизм. В зале поднялась буря. Председательствующий Хендрик Лоренц (Hendrik Antoon Lorentz (1853–1928)), стуча молоточком, безуспешно пытался восстановить порядок. Неожиданно к доске вышел П. Эренфест (Paul Ehrenfest (1880–1933)), физик, профессор Лейденского университета, и написал на доске стих из книги Бытия (11:7): «И сошел Господь, и смешал там языки их на всей земле».⁶ Напряжен-

ность, выкрики сменились дружным хохотом, а написанное П. Эренфестом зададо тон подведению итогов дискуссии [3]. Сегодня не вполне ясен смысл демарша П. Эренфеста, как и нет возможности уверенно судить о контексте, в котором прозвучал тот библейский стих. Шел 1927 год. Многие идеи, разбираемые нынче в школьных учебниках, тогда еще никому не пришли в голову, а все присутствующие на том конгрессе родились в XIX веке и знали Библию, полагаю, лучше современного русскоязычного читателя... Тем не менее ассоциация П. Эренфеста, связавшая споры о принципах устройства мироздания выдающихся умов начала XX века и древний рассказ, будоражащий интерпретаторов уже третье тысячелетие, похоже, намекает на архетипичность образа «башни до неба», на ее способность символизировать судьбу человеческой экспансии и предел человеческих возможностей.

В первой половине двадцатых годов прошлого века великий математик Давид Гильберт (David Gilbert (1906–1978)) попытался сформулировать формальные основания математики, имея, кажется, в виду их распространение в дальнейшем на всю науку. Д. Гильберт полагал любое математическое утверждение доказуемым или опровергаемым в рамках принятых правил. Саму же математику считал не вмещающей одновременно, без нарушения правил, существование доказательства и его опровержения. Замысел Д. Гильберта из-за идей Курта Геделя (Kurt Friedrich Gödel (1906–1978)) так и остался нереализованным. Теоремы К. Геделя о неполноте устанавливали границы формализации и доказывали существование истинных, но не доказуемых в системе принятых аксиом утверждений.

Ограниченность человеческого разума, ставшая заметной по мере развития физики элементарных частиц, получила в трудах К. Геделя свое логическое обоснование. Рациональному сознанию от-

⁶ В русской версии Библии приведенный стих звучит несколько иначе.

крылась бездна, преодоление которой и по сей день представляется сомнительным, во всяком случае, традиционными для науки методами. Выход, впрочем, нашлся. Возникло представление о существовании двух разновидностей ментальных возможностей: формальной логики, «аристотелевского» способа мышления, не способного преодолеть геделевские ограничения, и озарений, интуиций, понимания, свободных от этих ограничений. Общность проблемы развития религиозного и позитивного сознаний поставила для многих под сомнение различие между мистическими спекуляциями и рациональной наукой. Статус требований объективности, независимости результатов от познающего субъекта, доказуемости утверждений в рамках общепринятых процедур потускнел, утратил для науки свою четкость и безусловность. В научном познании появилось место для «неаристотелевских» ментальных возможностей, для видений и озарений. Ну а место, как известно, пустым остается недолго: «...для меня “разделительные перегородки” прозрачны. Такова моя особенность. Для других эти перегородки абсолютно непроницаемы; ничего за ними не видя, люди считают, что там ничего нет. Мой взгляд до известной степени различает процессы, протекающие в глубине, и это придает мне внутреннюю уверенность. Те, кто ничего не видит, не могут быть ни в чем уверены. Они не способны делать выводы или не доверяют уже сделанным выводам. Я не знаю, чему я обязан своей способностью замечать течение потока жизни. Возможно, сфере бессознательного. Или

собственным ранним сновидениям. Они определили весь ход моей жизни», — так диктовал Карл Густав Юнг своей ученице и помощнице Аниеле Яффе в своей автобиографии, вышедшей уже после его смерти под названием «Воспоминания, сны, размышления» («Erinnerungen, Träume, Gedanken») [12, с. 365].

(Окончание следует.)

Литература

1. Библия.
2. Бор Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории // Н. Бор. Избранные труды. В 2-х т. М., 1971.
3. Брайен Д. Альберт Эйнштейн. Минск, 2000.
4. Булаков С.Н. Очерки учения православной церкви. Париж, 1989.
5. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии // Г. Гейне. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1958.
6. Гейне Г. Мысли, заметки, и импровизации // Г. Гейне. Собрание сочинений. Т. 9. М., 1959.
7. Зигмунд Фрейд — Карл Густав Юнг. Из переписки // З. Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992.
8. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991.
9. Нолл Р. Арийский Христос. Тайная жизнь Карла Юнга. М.; К., 1998.
10. Флавий И. Иудейские древности. В 2-х т. М., 2004.
11. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. Иерусалим, 2004.
12. Юнг К.Г. Воспоминания, сны, размышления // К.Г. Юнг. Дух и жизнь. М., 1996.
13. Bergson A. Les deux sources de la morale et de la religion. Paris, 1932.
14. Jones R.M. Studien in Mystical Religion. London, 1909.